

С.В. Сычев

Федор Сологуб (Федор Кузьмич Тетерников) (1863–1927)

Федор Сологуб (настоящая фамилия Тетерников) родился в бедной семье. Отец его — портной-ремесленник, родом из Полтавской губернии, скончался от чахотки через четыре года после рождения сына. Мать — крестьянка Петербургской губернии, пыталась держать прачечную, затем до 1882 года служила прислугой в барском доме, в интеллигентной семье, интересующейся театром и музыкой.

Неизвестно, когда именно Сологуб начал писать, но самое раннее из дошедших до нас произведений датировано 1880., когда будущий поэт поступил в Учительский институт. Многие исследователи указывают, что ранние стихи Сологуба возникали как плач из-за бесконечных пороков и оскорблений, ставших уделом сына прислуги в богатом петербургском доме.

Из-за тяжелого материального положения, уже будучи провинциальным учителем, Сологуб просил разрешения у начальства ходить на уроки босым. В противовес действительности в стихотворениях Сологуб создает прекрасный мир страны Ойле, над которой светит чудесная звезда Маир. Как писал сам Сологуб впоследствии: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я — поэт». А всеобъемлющее и многогранное зло воплощается Сологубом в образе «недотыкомки». «Предмет его поэзии, скорее, душа, преломляющая в себе мир, а не мир, преломленный в душе», — говорил Блок о творчестве Сологуба.

Переломным в судьбе Тетерникова можно считать 1891 год, когда он познакомился с Николаем Максимовичем Минским, философом и поэтом-символистом, который всерьез заинтересовался его творчеством. Минский вводит его в круг «старших символистов», знакомит с З. Гиппиус, К. Бальмонтом, Д. Мережковским. В это же время был придуман псевдоним Сологуб и выходят первые произведения поэта.

«В редакции, куда он отнес первые свои произведения, ему посоветовали придумать псевдоним: “Неудобно музе увенчать лаврами голову Тетерникова”. Кто-то вступился, сказал, что знал почтенного полковника с такой фамилией, и тот ничуть не огорчился. “А почему вы знаете? Может быть, и полковнику приятнее было бы более поэтическое имя, только вот в армии нельзя служить под псевдонимом”. И тут же придумали Тетерникову псевдоним — Федор Сологуб. С одним “л”, чтобы не путали с автором “Тарантаса”. И мы знаем, что муза этот псевдоним почтила своим вниманием» (из воспоминаний Тэффи).

После издания романа «Мелкий бес» к Сологубу приходит известность. Все, что выходило из-под его пера, — стихотворения, рассказы, романы, пьесы — все носило печать совершенства. Но над всем его творчеством простирался дух смерти — эта тема была господствующей у Сологуба. Постепенно он становится одним из признанных метров новой литературы.

«Венец славы своей нес Сологуб спокойно и как бы презрительно, — писала Тэффи. — С журналистами и интервьюерами обращался надменно. Помню, как шли мы вместе по фойе театра и к нему подбежал какой-то газетный сотрудник и почтительно спрашивал его мнение о новой пьесе. Сологуб шел, не замедляя шага, не поворачивая головы, лениво цедя слова сквозь зубы, а журналист забегал, как собачонка, то справа, то слева, переспрашивал и не всегда получал ответ. Так мстил (вероятно, бессознательно) Сологуб за измывательства над его первыми, лучшими и самыми вдохновенными вещами».

В квартире Сологуба устраивались знаменитые вечера, на которых бывал весь культурный свет Петербурга. Андрей Белый так описывает облик и манеру поведения Сологуба:

«...Выходил старичок, лысый, белый, с бородкой седою и шишкой у носа прямого, в пенсне; ему было лишь сорок три года; казался же древним; он вел себя жутковато; усаживал в кресло и ждал, что гость скажет, разглядывая свои пальцы: в глаза не глядел. “Лучше вы нарисуйте штаны Пифагора: и не ерундите”, – как бы давал он почувствовать, едко ощерившись: и из усов, белых до желтизны, торчал зуб; и — чернело отсутствие зуба; а взгляд, оторвавшись от пальцев, ел, как кислотой, лицо; так глумился, улыбку в усах затаивши, учитель Тетерников, что он писателя приготовишкою сделал...

Несмотря на свою надменную мрачность, он иногда охотно втягивался в какую-нибудь забавную чепуху. На одном из вечеров как-то вспомнили школьную забаву:

“Почему говорят гимн-Азия, а не гимн-Африка? Почему чер-Нила, а не чер-Волги?”

С этого и пошло. Решили писать роман по новому ладу. Начало было такое:

“На улицу вышел человек в синих панталонах”.

По-новому писали так:

“На у-рожеты-шел лоб-столетие в ре-них хам-купонах”.

Игра была из рук вон глупая, но страшно завлекательная, и многие из нашего писательского кружка охотно разделявали эту чепуху. Самые серьезные и даже мрачные, как и Сологуб, сначала недоуменно пожимали плечами, потом, словно нехотя, придумывали слова два-три, а там и пошло. Втягивались».

Значимыми для жизни писателя оказались 1907–1908 годы. В 1907 умерла его любимая сестра Ольга, которую Сологуб очень почитал и с которой никогда не расставался. А в 1908 Сологуб женился на переводчице Анастасии Чеботаревской, и жизнь его резко изменилась. Писатель оставил службу, переехал в новую большую квартиру. Тихие беседы сменились шумными сборищами с танцами и масками. Даже внешний облик его преобразился. «Сологуб сбрил усы и бороду, и все стали говорить, что он похож на римлянина времен упадка. Он ходил, как гость, по новым комнатам, надменно сжимал бритые губы, шурил глаза, искал гаснущие сны». Как заметил Блок в дневнике: «Женившись и обрившись, Сологуб разучился по-сологубовски любить Смерть и ненавидеть Жизнь».

После революции 1917 года Сологуб хотя и не выехал из страны, но стал эмигрантом внутренне. Почти не пишет. Свои последние повести он создает в соавторстве с женой, а после ее смерти основное место в его творчестве занимают переводы. Вот как об этом времени вспоминает Тэффи:

«Работал Сологуб по-прежнему много, но больше все переводил. Новые повести писал в сотрудничестве с Чеботаревской. Они были не совсем удачны, а иногда настолько неудачны и так не чувствовалось в них даже дыхания Сологуба, что многие, в том числе и я, решили, что пишет их одна Чеботаревская, даже без присмотра Сологуба. Впоследствии эта догадка оказалась верной.

Чем это объяснить? Творчество иссякло? Равнодушие к общественному мнению дошло до предела? “Прежде нотовичи воротили нос от прекрасных моих творений, теперь что ни дай — все слопают. Чеботаревская хочет писать — пусть пишет. Ее печатать не станут — пусть подписывается Сологубом”.

Как-то в рижской газете “Сегодня” я прочла строки: “Немногие, вероятно, знают, как была талантлива Чеботаревская и что последние повести Сологуба принадлежат всецело ее перу”».

Увы! Эти немногие отлично догадывались, только не могли объяснить причину. Теперь мы знаем о его безграничном презрении к критикам, не ценившим его прежних вещей и поднимавшим шум и бум над новыми, небрежно набросанными пустяками. Вот тогда он и решил, что довольно с них и Чеботаревской. Всем известная фраза его: «Что мне еще придумать? Лысину позолотить, что ли?» — вполне определяет наступившую для него душевную пустоту.

Из воспоминаний Эренбурга:

«Помню другой вечер, зимой 20-го г. в Москве какие-то очень рьяные и очень наивные марксисты возмущаются Сологубом — как? в наш век коллективизма он смеет быть убогим, ничтожным индивидуалистом? Сологуб не спорит, нет, он со всем соглашается — “конечно, конечно”. Но как же образцовому инспектору не поучить немного этих вечных второклассников? И, тихо улыбаясь, Сологуб читает в ответ маленькую лекцию о том, что коллектив состоит из единиц, а не из нулей. Вот если взять его Федора Кузьмича и четырех других Федоров Кузьмичей, получится пять, а если критиков, то вовсе ничего не получится $0 + 0 = 0$. Отнюдь не дискуссия, просто арифметика».

В 1921 году Сологуб обращается к Ленину с просьбой о разрешении выехать за границу. Разрешение было получено, но в последний момент отменено, и так происходило несколько раз. Чеботаревская, не выдержав этой пытки, покончила с собой. Она утопилась. Рассказывают, будто труп ее летом прибило к берегу, где на даче жил Сологуб. Последняя встреча Сологуба с мертвой женой описана в «Сумасшедшем корабле» О. Форш:

«На минуту окаменел. Его лицо желтой слоновой кости стало белым. Но поступью патриция времен упадка он важно прошествовал к трупу и, сняв с ее руки обручальное кольцо, надел на руку себе. Потом он опять жил, потому что он был поэт и стихи к нему шли. Но стихи свои читал он несколько иначе, чем при ней, когда объезжали вместе север, юг и Волгу и “пленяли сердца”. Он больше пленять не хотел, он с покорностью своему музыкальному, особому дару, давал в нем публичный стихотворный отчет, уже ничего для себя не желая. Входил он к людям сразу суровый, отвыкший. От внутренней боли был ядовит и взыскателен. Смеялся же беззубо, не по-стариковски, а по-детски или как лысый японский идол».

После смерти жены Сологуб остался на родине, однако активного участия в общественной жизни не принимал.

В неопубликованной статье «Что делать?» Сологуб писал о революционных преобразованиях в России:

«Я поверил бы в издыхание старого мира, если бы изменилась не только форма правления, не только строй внешней жизни, но и строй души. А этого как раз и нет нигде и ни в ком».

В декабре 1927 года, как и предсказывал Сологуб, он умер. Константин Федин вспоминал:

«Как-то раз Сологуб сказал мне:

— Я знаю точно, от чего умру. Я умру от декабрита.

— Что это такое?

— Декабрит — это болезнь, от которой умирают в декабре... И правда, он накликал на себя свой “декабрит”: в декабре двадцать седьмого года, прикованный к постели одышкой, в темном углу, за шкафом, он едва слышно выговаривает по слову...

— О, если бы немного полегче вздохнуть! – выдавливает он с мукой.

Глаза его потеряли всю стеклянную трезвость и горят, сарказм исчез, жизнь, жизнь трепетала в его тоске о легком дыхании. Он спорил, отчаянно, иступленно спорил с могилой. Страх смерти заслонил былой страх жизни, и, приближаясь к могиле, он словно оживал, и уже лицо его не напоминало адамовой головы, и ничего нельзя было в нем увидеть, кроме надежды — быть, быть, быть!»

В предсмертном стихотворении поэта говорилось:

Бедный, слабый воин Бога.
Весь истаявший, как дым,
Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным!